

ЭНТРОПИЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И.С. ШМЕЛЕВА

Сюе Чэнь

Ключевые слова: Бог, бытие, вера, жизнь, небытие, революция, смерть, самоубийство, экзистенциализм, энтропия.

Keywords: God, being, faith, life, non-being, revolution, death, suicide, existentialism, entropy.

DOI 10.14258/filichel(2020)1-02

Энтропия – экзистенциальная проблема, наиболее остро поставленная И.С. Шмелевым в «Солнце мертвых» (1923). Бытовая и бытийная неупорядоченность в результате вступления в Крым войск Красной армии, хаос, в который погружены крымчане, необратимость их вымирания, разлад между логикой человека и его существованием, неумолимость нового порядка, структурирующего жизнь догматически и однолинейно, – все это ставит героев повести перед проблемой конечности бытия. Шмелев задается вопросом о пределах истончения энергии человека. Написанная в том же году, что и повесть Шмелева, статья Е. Замятина «О литературе, революции, энтропии и о прочем» дает ответ: сохранение энергии в социальной жизни, искусстве, религии возможно при отсутствии догматизации бытия, которая и есть энтропия, и при наличии свободы в социальной жизни, искусстве, религии и прочем.

Шмелев подводит весь ход событий, всю сумму фактов, пейзажную специфику, весь ряд внешних деталей, к вопросу о роли Бога в преодолении паралича мысли, веры, воли человека. При этом в тексте «Солнце мертвых» сфокусирован ряд положений, выразивших как экзистенциальные, так и жизнеутверждающие представления предшественников Шмелева. С нашей точки зрения, произведение Шмелева, основанное на конкретных реалиях его времени, аккумулирует универсальные и актуальные философемы, развитые как в трудах мыслителей, так и в произведениях русской литературы. В сводке идей, составивших основу содержания текста, приоритет отдан христианскому учению.

Противопоставление энергии и энтропии Шмелев выразил, прежде всего, в повествовании о духовной эволюции двух героев – доктора и рассказчика. Оба – свидетели и жертвы большевистского порядка, принесшего голод и репрессии, в результате которых человек

становится *«человечьим мясом, расстрелянным без суда, без суда!»* (Шмелев, 2015, с. 69)¹. Как показывает Шмелев, революция превращает Крым в царство мертвых, придает человеку сходство с диким зверем, возвращает жизнь к пещерным временам. Доктор подсчитывает жертвы: за три месяца *«восемь тысяч вагонов, девять тысяч вагонов! Поездов триста! Десять тысяч тонн свежего человеческого мяса, мо-ло-до-го мяса! Сто двадцать тысяч го-лов! Чел-ло-ве-ческих!»* (Шмелев, 2015, с. 70). В оврагах и на горах, в подвалах – брошенные трупы убитых: *«теперь человек и могилу не находит»* (Шмелев, 2015, с. 195). Отношение к смерти – показатель энергии или энтропии. Смерть, повторяющийся мотив повествования, – экзистенциальная черта, к которой приближены жители Крыма или за которую они переступают. В повести показана смерть не естественная, а вынужденная, насильственная. Смерть, посмертное бытие или небытие, вера в Божью силу – тема диалогов двух героев.

Доктор проходит путь от веры в существование Бога к неверию в Бога и в жизнь за пределами смерти. Его земное бытие, как и других персонажей повести, представляет собой ад; он, не выдержав физических, эмоциональных страданий и не найдя интеллектуальной, религиозной опоры, заканчивает земной путь суицидом – нисхождением в ад, но уже за чертой земного бытия. Его идеология бытия выстраивается Шмелевым на антитезе: рассказчик, напротив, преодолевает сомнения в существовании Бога, в итоге получает Его помощь через людей (в частности через мусульманина – татарина Гафара), вновь обретает веру, и его путь – к восхождению.

Доктор был хозяином миндального сада, розового царства, в котором он наполнялся надеждой на разумно устроенную жизнь. Сад – символ жизнотворения и образ созданного доктором мира: он своими руками разбил его на пустыре. С приходом «истребителей» (представителей революционной власти) существование доктора обесмыслилось: экспропрированы профессиональные инструменты и излишки в хозяйстве, оборван миндаль, порублен сад, разрушена мечта жены умереть в цветущем миндальном раю – она умерла в ограбленном, оскверненном доме. Доктору не на что купить гроб, он хоронит жену в угловом шкафу, в котором из года в год хранилось абрикосовое варенье. Гроб не традиционный шестигранный, а трехгранный. Доктор, имея в виду Святую Троицу, рассуждает: *«Почему непременно шестигранник?! Трехгранник и проще, и*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст из списка источников Шмелев И. Солнце мертвых. М., 2015.

символично: три – едино!» (Шмелев, 2015, с. 54). Он, вопреки реальности, старается повернуть свое сознание к прошлой разумной, устроенной жизни: под влиянием опиума к нему приходят счастливые воспоминания о прошлом, в них была любимая жена, были пряники с богомолья, крестики от преподобного, святая водица.

Однако все более доктор фокусируется на муках реальной «помойной» жизни, которую принять не может. По мнению Н. Аббаньяно, *«непрятие мира может иметь две формы – бегство от мира и уступка миру. Бегство от мира – это отказ от возможностей, которые мир предоставляет для реализации человеку. Оно вызвано радикальным неверием в эти возможности, потому что оно – тотальный отказ, являющийся сам для себя целью»* [Аббаньяно, 1998, с. 236]. Первая форма проявляется в поведении доктора, бегство от мира приблизило его к гибели. Однако тотальный отказ доктора от реальности парадоксально осмысливается им как путь к реализации своего «я». По М. Бланшо, есть «сила глубоко анонимная», она превращает человека *«в существо безымянное и бессильное, по сущности своей подлое и обреченное на раздробленность. Эта сила – сама смерть, и в конечном счете задачей его предприятия является смерть как возможность»* [Бланшо, 2002, с. 95-96]. Если принять эту мысль Бланшо, анонимная сила смерти ослабляет творческую активность доктора, стирает его индивидуальность. Отметим, что имя идентифицирует личность, обозначает его место в социально-культурных и исторических условиях, но Шмелев предпочитает называть героя просто доктором.

Самоубийство доктора – результат иссякания жизненных сил. По сути, он – воспользуемся высказыванием М. Монтеня о самоубийце, – прибор к *«помощи смерти, которая положила предел <...> земному существованию и прекратила <...> мытарства»* [Монтень, 1990, с. 127]. Вместе с тем, в таком уходе из жизни был и вызов обстоятельствам, и болезненно интерпретированная свобода выбора. Как Кириллов в «Бесах» (1870–1872) Достоевского говорил: *«я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою»* [Достоевский, 1990, с. 577]. Самоубийство в этом случае соотнесено с мыслью о связи смерти и свободы, что, на наш взгляд, созвучно идее Ф. Ницше о естественной смерти как факторе несвободы: естественная смерть *«при презреннейших условиях, несвободная смерть, смерть не вовремя, смерть труса. Следовало бы, из любви к жизни, – желать иной смерти, свободной, сознательной, без случая, без неожиданности»* [Ницше, 1990, с. 52]. Мысль Ницше, апологета воли, коррелирует с идеей Н. Аббаньяно – апологета экзистенциалистского

отношения к жизни: *«Принимая смерть, признавая ее как собственную судьбу, человек реализует свою свободу, то есть освобождается от иллюзии обезличенной жизни, от возможностей, которые скрывают ничто экзистенции; он принимает это ничто как формирующее его, как конечный предел его реализации»* [Аббаньяно, 1998, с. 188], то есть добровольной смертью он доказывает себе, что может управлять ею и достичь абсолютной свободы. При том что в Крыму переживался апогей насильственных смертей, доктор сам принимает решение, выбирает путь ухода из жизни. Доктор не испытывает экзистенциального ужаса перед небытием, его самосознание перед гибелью отвечает следующей мысли Сартра: *«своей смертью умирает тот, победоносный, кто ее же и творит»* [Аббаньяно, 1998, с. 122].

Все же суицид доктора – кажущаяся свобода выбора и результат кризиса веры. В христианстве самоубийство понимается как сомнение в спасительном промысле Бога. Вновь обратимся к мысли Бланшо: в свободной смерти *«Бог рискует своим существованием. Если кто-то сумеет обладать собой вплоть до смерти, сквозь смерть, то он возобладает и над тем всемогуществом, что настигает нас в смерти, сделает его лишь мертвым всемогуществом»* [Бланшо, 2002, с. 95]. Самоубийство – знак того, что в сознании доктора Бог как источник бытийной энергии умер.

Все пережитое ослабляет память доктора, он забывает слова молитвы «Отче наш»; испытания вызывают в его сознании ироничную картину, как он предстанет на Страшном Суде: *«Архангелы-то рты разинут! Сам Господь Саваоф»* (Шмелев, 2015, с. 59). Нынешняя жизнь, как он говорит, превратилась в помойку, путь из которой – в ничто. Он усомнился в воскресении Спасителя, реальность ассоциируется со вшами, а путь от помойки к горнему миру – иллюзия. Катастрофа обнажила неустойчивость человеческого существования, и доктор готов в небытии видеть путь к спасению. Более того, постепенно отступая от христианского понимания Бога, он обращается к Будде. Выбирая смерть через огонь, он, по сути, принимает буддистскую аксиологию; имея в виду Будду, он говорит: *«Огонь от Него исходит, к Нему возвращается!»* (Шмелев, 2015, с. 190).

Рассказчик, как и доктор, переживает экзистенциальные муки, что особенно проявилось в его отношении ко времени и пространству. Время, с его точки зрения бессрочного каторжника крымских страданий, не имеет никакого значения: *«Бессрочнику все едино!»* (Шмелев, 2015, с. 7). Рассказчику важно не столько отсчитывать часы, дни, месяцы, сколько изо дня в день убивать время, а походы за

топливом, наблюдение за индюшкой, занятия пустяками освобождают его от гнета времени.

Сравнение с судьбой Робинзона усугубляет его неверие в будущее: у Робинзона, в отличие от него, была точка на горизонте, она принесла Робинзону надежду на спасение, а на горизонте рассказчика *«не будет никакой точки, вовек не будет»* (Шмелев, 2015, с. 7). В глазах рассказчика все обманчиво: и жизнь, и город, и сны, и неведомая даль. Прошлое не возвращается, настоящее в муках, человек лишь полагается на будущее, но везде мертвая тишина погоста, *«никто не придет из далей. И далей нет <...> самые дали плачут»* (Шмелев, 2015, с. 219). Из-за прихода звездноносцев земля напиталась кровью, сады заброшены, виноградники опустошены, дачи обезлюдели, человеческая душа опустошена. Смерть доминирует в мертвом крымском пространстве. Рассказчик, как доктор, разуверился в Боге: *«Бога у меня нет: синее небо пусто»* (Шмелев, 2015, с. 21). Небо, ранее выступавшее посредником между Богом и человеком, воспринимавшееся как образ истинного и непреходящего рая, теперь пропитывается муками голодающих, а мир под небом превращает в человеческую бойню. В сознании рассказчика пустое небо символизирует отсутствие Бога.

История рассказчика напоминает историю Иова (И. Ильин поставил в целом «Солнце мертвых» выше истории об Иове: *«Это один из страшных документов человеческих <...> Что книга Иова? – рефлектирующее благочестие обедневшего и захворавшего жидда!.. Что книга ходульных аллегорий и сонных стихов – Апокалипсис!? Первое – эпизод, второе – сон. А это – система бытия»* [Ильин, 2000, с. 21]) – праведника, ставшего образцом веры и терпения: *«Этот человек был непорочен, праведен, жил в страхе Богом и сторонился от зла»* (Иов 1:1), *«он был славнее всех жителей Востока»* (Иов 1:3). Не без участия диавола Бог обрек Иова на великие бедствия: лишил всего имущества, сыновей и дочерей, здоровья. Пережитые беды не поколебали веры Иова в Бога. В повести Шмелева рассказчик пережил голод и террор, убили его единственного сына (на это есть намек в тексте), его «лишнее» имущество изъяли, описали книги. Как Иов, он одет в лохмотья. Он мастерит обувь из линолеума. Он питается блинами из виноградного жмыха и листьев. Наконец, он погружается в духовный кризис. Но неумирающий голос с минарета осветил его душу и дал надежду на помощь Бога: *«Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами»* (Шмелев, 2015, с. 205), *«и будет пребывать вечно, и все сущее – Его воля»* (Шмелев, 2015, с. 99). Старый татарин приносит рассказчику яблоки, муку, груши, эта посылка воспринимается как

помощь Творца: «с неба вестник» (Шмелев, 2015, с. 203), «небо пришло из тьмы! Небо, о Господи!» (Шмелев, 2015, с. 204). Вера в бессмертие души и воскресение наполняет существование рассказчика энергией. Его обращению к Богу Шмелев придает характер молитвы: «Вниди в нас, Господи, в великое горе наше, и освети!», «Ты все можешь! Не уходи от нас, Господи, останься...» (Шмелев, 2015, с. 205). Последнюю фразу мы рассматриваем как реминисценцию слов Иова: «... Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено» (Иов. 42:2).

Смерть рассказчику не страшна, «ни страха, ни жути нет» (Шмелев, 2015, с. 216). В отличие от доктора, рассказчик преодолевает сомнения в Воскресении и верит в Царство Божье: «Не надо бояться смерти... За ней истинная гармония» (Шмелев, 2015, с. 113), «Чаю Воскресенье Мертвых! Я верю в чудо! Великое воскресенье – да будет» (Шмелев, 2015, с. 231).

Рассказчик не перестает физически и интеллектуально трудиться, делится скудной едой с чужими детьми, обменивает одежду на продукты, преодолевая тем самым хаос окружающей его действительности. Каждый день он совершает восхождение в горы, что напоминает нам о крестном пути Иисуса Христа на Голгофу и символизирует путь героя к высотам духа.

Различное восприятие доктором и рассказчиком окружающего мира проявляется в их отношении к вещам. Поскольку у доктора «все – в прошлом, и мы уже лишние» (Шмелев, 2015, с. 74), он сжег все фотографии и все письма – прошлое закончилось в огне. Полагаем, в этом эпизоде выражено не только его отрицание прошлого, но и настоящего. Как справедливо заметил С.И. Кормилов по поводу поступка доктора: «Тому, кто сжег свою прошлую жизнь (фотографии и письма), видно, осталось лишь сжечь настоящую» [Кормилов, 1995, с. 29]. Для доктора вещи не имеют никакого значения, поскольку он сам в хаосе бытия – «не суть» (Шмелев, 2015, с. 73). «Болезненное, – по определению И.Б. Ничипорова, – ощущение жизни, обреченной на погружение в беспмятство» [Ничипоров, 2019, с. 121], приводит доктора к утрате интимной связи человека и вещей. Пожар дома знаменует окончательное исчезновение собственного пространства. Как сказал Иов: «не возвратится более в дом свой, и место его не будет уже знать его» (Иов 7:10). Будущее доктора обращено в пепел. Итак, мотив прощания доктора с дорогими ему и связывающими его с прошлым вещами прочитывается как признание бессмысленности своего существования.

Рассказчик, напротив, внимателен к вещной детали, что в принципе свойственно для прозы Шмелева. Как отмечено Н. Лосским, *«все сущее <...> не только есть, но еще и содержит в себе оправдание или осуждение своего бытия»* [Лосский, 1931, с. 5]. В образе рассказчика как раз показано «сущее» в его созвучии или не созвучии с бытием. Сознание рассказчика интенционально – направлено на вещь, он наполняет ее эмоцией, придает ей свое личное чувство, а вещь, в свою очередь, насыщает его личное пространство. Например, рассказчик хранил сломанное перо умершего павлина – знак памяти об уходящей жизни.

Для рассказчика вещь – и бытовая реалья, и образ его бытия, и память о событии либо эмоциональном состоянии, чему созвучна мысль В. Топорова: *«<...> человек – мера всех вещей. Но и обратно: конкретная, данная вещь – мера всех людей, и только в этом своем качестве вещь приближает нам мир, правда, при участии человека»* [Топоров, 1995, с. 17]. Наконец, вещь обеспечивает обреченному человеку саму жизнь. Так, рассказчик сообщает о барыне – своей соседке, которая бьется за жизнь, продавая юбки, ложечки за ячмень, и опасается, что у нее отберут коврик или вязаный платок. Мотиву расставания с вещами противопоставлен мотив их незаконного приобретения новым должностным лицом – музыкантом Шурой: у него серебряный портсигар и хороший табак.

Однако истончение вещного мира для рассказчика, конечно, не означает наступления небытия. Шмелев обращается к константам мировой мысли о душе, плоти, смерти. По Аристотелю, автору трактата «О душе», живое существо состоит из материи (тела) и формы (души), и душа как форма естественного тела неотделима от тела. Гераклит высказал иное понимание отношения души и смерти: *«когда мы живы, наши души умирают, а когда мы умираем, они воскресают и живут»* [Гераклит, 2012, с. 176]. Христианская аксиология другая: душа не умирает, она независима от тела, что показано воскресением Иисуса Христа. Смерть воспринимается рассказчиком как конец телесной жизни, но не установление тотального небытия, что имеет прямое отношение к вещи: по Шмелеву, вещь пронизана внутренним миром человека: *«в вещах ведь часть души человеческой остается, прилипает...»* (Шмелев, 2015, с. 54).

Итак, находясь в эпицентре социальной катастрофы, человек либо отдается смерти (доктор не дожил до весны), либо проявляет волю к жизни (рассказчик встретил весну). В повести поставлены

вопросы об онтологических доминантах в сознании человека, о роли свободы, воли человека и воли Творца в выборе между жизнью и смертью. По сути, Шмелев решает в повести один из первейших философских вопросов – о смерти и жизни. Если М. Монтень считал, что *«вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти»*, а удовольствия *«мимолетны, зыбки и преходящи»*, сопряжены с *«лишениями всякого рода»* [Монтень, 1990, с. 125], то, согласно Б. Спинозе, мудрость человека *«состоит в размышлении не о смерти, а о жизни»* [Спиноза, 1957, с. 576], потому что *«жизнь протекает в собственном измерении, где она имеет смысл и где может иметь смысл победа над смертью»* [Левинас, 2000, с. 270]. Мышление, по убеждению Спинозы, – причина всего.

Полагаем, что Шмелеву ближе мысль Спинозы. Но Спиноза – логик, обращенный к рациональным объяснениям бытия. Шмелев рассматривает энергию и энтропию не столько в контексте интеллектуального, мыслительного опыта человека, сколько как вопрос веры в Бога. Из приведенных нами выше обращений к положениям и выводам (порой парадоксальным, но созвучным полемике героев повести) трудов мыслителей показательными для сознания Шмелева являются утверждения о победе энергии как божественного замысла над энтропией, отвечавшие состоянию писателя: сам процесс создания «Солнца мертвых» возвращал ему, пережившему экзистенциальный кризис, веру в жизнь и Бога.

Литература

- Аббаньяно Н. Экзистенция как искусство // Введение в экзистенциализм. Пер. с итал., коммент., указ. Л. Зорина. СПб., 1998.
- Бланшо М. Смерть как возможность // Пространство литературы. Пер. с франц. М., 2002.
- Гераклит Э. Все наследие: на языках оригинала и в рус. пер. М., 2012.
- Достоевский Ф. Собр. соч. в 15-ти тт. Л., 1990. Т. 7.
- Ильин И. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). М., 2000.
- Кормилов С. «Самая страшная книга» (Соотношение изобразительного и выразительного в «эпопее» Ивана Шмелева «Солнце мертвых» // Русская словесность. 1995. № 1.
- Лосский Н. Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей. Париж, 1931.
- Левинас Э. Тотальность и Бесконечное: за пределами лица // Избранное: Тотальность и Бесконечное. М., СПб., 2000.
- Монтень М. Опыты: в 3-х кн. Пер. с франц. М., 1991. Кн. 1.
- Ницше Ф. Сочинения: в 2-х тт. Пер. с нем. М., 1990. Т. 2.
- Ничипоров И. Русская литература и православие: пути диалога. М., 2019.

Спиноза Б. О человеческом рабстве или о силах аффектов // Избранные произведения: в 2-х тт. Пер. с лат. Н.А. Иванцова. М., 1957.

Топоров В. Вещь в антропоцентрической перспективе // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Шмелев И. Солнце мертвых. М., 2015.

References

Abbagnano N. *Vvedenie v ekzistencializm* [Introduction to Existentialism]. St. Petersburg, 1998.

Blanchot M. *Prostranstvo literatury* [Space of Literature]. Moscow, 2002.

Heraclitus E. *Vse nasledie: na yazykah originala i v rus* [All heritage: In the original languages and in Russian translation]. Moscow, 2002.

Dostoevsky F. *Sobr. soch.* [Collection of Works] In 15 vols. Leningrad, 1990. Vol. 7

Ilyin I. *Sobr. soch.: Perepiska dyuh Ivanov (1927–1934)* [Collection of Works: Correspondence of Two Ivanov (1927–1934)]. Moscow, 2000.

Kormilov S. «*Samaya strashnaya kniga*» (*Sootnoshenie izobrazitel'nogo i vyrazitel'nogo v «epopei» Ivana SHmeleva «Solnce mertvyh»*) [The Scariest Book (The Correlation of the Graphic and Expressive in the «Epic» by Ivan Shmelev «The Sun of the Dead»)]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature]. 1995. № 1.

Lossky N. *Cennost' i bytie. Bog i carstvo Bozhie kak osnova cennostej* [Value and Being. God and the Kingdom of God as the Foundation of Values]. Pairs, 1931.

Levinas E. *Total'nost' i Beskonechnoe* [Totality and Infinity]. St. Petersburg, 2000.

Montaigne M. *Opyty* [Experiments]. In 3 books. Moscow, 1990.

Nietzsche F. *Sochineniya* [Works]. In 2 vols. Moscow, 1990.

Nichiporov I. *Russkaya literatura i pravoslavie: puti dialoga* [Russian Literature and Orthodoxy: Ways of Dialogue]. Moscow, 2019.

Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya* [Featured Works]. In 2 vols. Moscow, 1957.

Toporov V. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz* [Myth. Ritual. Symbol. Form]. Moscow, 1995.

List of sources

Shmelyov I. *Solnce myortvyh* [The Sun of the Dead]. Moscow, 2015.